

АЛЛЕН ТЕЙТ

*С английского **

Пловцы

*(Место действия — округ Монтгомери,
Кентукки, июль 1911 года)*

Кентуккских вод прохлада ключевая!
С четверкой сорванцов к речной волне
Спешит малыш, от зноя изнывая,

Здесь лозы льнут к деревьям в тишине,
И у щеки лист лопуха ворсится
Ладонью Навсикаи. Вновь во мне

Скупой слезинкой детство золотится,
И, высохшие, ожили ручьи
Любви и страха. Вновь былое длится,

И дрозд, качнувший ветку в забытьи,
Насторожил под деревом тюльпанным
Пружину мокасиновой змеи...

Тропа над плесом поросла бурьяном,
С небес течет расплавленный свинец,
И мы шагаем в полусне дурманном —

Билл, Чарли, «ниггер» Лейн (его отец
Был врач), тиликавший на флейте Гарри
И Аллен — я — прославленный пловец.

Сумах поник листвой, как на пожаре,
Заждавшись подаянья облаков,
И мы бредем в полуденном угаре

К воде, чей и в ночи не молкнет зов.
Лейн закричал: «Передохнем немного!»
И тут — глухою дробью — стук подков...

Одиннадцать гнались по краю лога
За тем, кто изнемог и был темней
Щербатых плит у старого порога.

* Аллен Тейт — Стихи (Перевод с английского П. Грушко) // Современная американская поэзия (М.: Прогресс, 1975), 162–168.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

И как спешат подобием теней
Лунатики по скрошенным карнизам,
Когда инстинкт всех навыков верней,

Мы очутились у реки, и низом
Брели, от страха проглотив язык,
По узкой тропке над потоком сизым —

Нам слух глазами стал. И вновь возник
Отряд, но с ним не появился снова
Тот, кто бежал. И я ослеп на миг,

Увидев это воинство христово —
Позором изнуренные тела...
Потом тропа вдоль берега крутого

Пошла ровней и к бухте привела.
Мы на песок присели сиротливо,
Вода рябой прохладой влекла.

Но, словно водоросли в час прилива,
Зашевелились волосы, и весь
Поджался я, услышав, как с обрыва

Слова скатились — горестная весть,
Как будто горсточка земли упала
В могилу: «Этот мертвый ниггер здесь».

Шериф, на явор опершись устало,
Травинку отломил не торопясь
И, ковырнув в зубах, отметил вяло:

«Мы опоздали», — нехотя склонясь
Над мертвецом остывшим, чью сорочку
Кровь запятнала и сухая грязь.

Слепень куснул удушенного в мочку.
Шериф легонько голову носком
Подвинул, поместив ее на кочку.

Друзья бежали под уклон гуськом,
И я был рад их бегству. Вечерело.
Подъехал всадник. Спешившись, рывком

За ноги потянул большое тело.
Набросив петлю на ступни, шериф
К луке веревку привязал умело,

Труп изогнулся, будто был он жив,
Напрягся — словно леска со стремниной
Сражалась, уступая... уступив...

Шериф бранился, но тому причиной
Был не мертвец, а пыль, ее поток
Над кавалькадой, мчавшей по пустынной

Дороге в городок. Я здесь не мог
Остаться дотемна! По теплой пыли,
Босой, я припустил, не чуя ног,

Как жаба, прыгал через рвы, в бессилье
Хватая воздух ртом, а сам глядел,
Как всадники к суду свой груз тащили —

Труп, над которым, точно саван, рдел
Закат, а пыль, клубясь, преображала
В толпу три смутных тела. Я летел,

И с каждым вздохом в грудь вонзались жала.
Потом один стоял, а голова
Безликая на площади лежала...

Столь личная, когда была жива, —
Отныне всем она принадлежала.
Но плакала над нею лишь трава.

Осень

О стекла осень бьется,
И мне открылось вдруг,
Что я на дне колодца,
И юность канула во мрак,
И на губах паук.
Был воздух чуждым, словно
Песок в мясном ряду,
Он в горле саднил, как наждак.
А я кого безмолвно
В пустынном зале жду?

Над головою сизо
Круглится потолок,
Ни лепки, ни карниза.
И без ковра был пол не пол,
И взгляд ничем не мог
Насытиться. Лишь двери —
Я их пересчитал
И ждал, чтоб кто-нибудь вошел:
Пусть тень по крайней мере
Скользнет в пустынный зал!

Уйду! — себе сказал я, —
Здесь осень, мрак и прах,
Ни смерть, ни жизнь. Из зала
Уйду я в город, там огни.
А страх — всеобщий страх.
Опасливой улитой
Я зал переползал,
Боясь упасть, и мчались дни,
Я к двери полз закрытой
Через пустынный зал.

Но дверь была обманом:
Ни ручки, ни замка,
Был этот дом капканом,
И все же видел я, что дом
По мне. Я брел века,
А был я неизменно
В начале всех начал.
Вдруг дверь открылась, и в проем
Седой старик степенно
Вошел в пустынный зал.

Как ночью от испуга
Не убыстряют шаг,
Вводя в обман друг друга,
А лишь украдкой поглядят
Сквозь беспросветный мрак —
Так мой отец явился,
Ни слова не сказал,
А только бросил робкий взгляд,
Поправил плед и скрылся,
Покинув мертвый зал.

А следом вереницей
Расплывчатая рать
Старух и старцев, а потом
Сестер и братьев лица,
И я увидел мать
В простом домашнем платье,
Глаз голубых овал,
Не задержавшихся на том,
Кто к ней, раскрыв объятия,
Шел через мертвый зал.

Последние дни Алисы

Большая, но не тучная Алиса
На свой закатный возраст оперлась.
Кот склабится сквозь дремлющие листья,
От гнева беспричинного трясась.

Изменчив вечный свет над страшной рамой,
Там сгорбилась навек трава в стекле,
Застигнутая дребезжащей драмой
В неколебимой зазеркальной мгле.

Наморщив носик, умница Алиса
Весь день решает с каменным лицом,
Как подсластить последствия каприза
Каким-нибудь магическим словом.

Окутанная вечностью двойница
Чихнуть боится: только рот скриви —
И Все-Алиса мигом раздробится
Под натиском предательской любви —

Любви к себе (земной и в зазеркалье),
Чей холод домогается тепла,
А губы — губ своих же (не она ли
Их рассекла, уйдя во мглу стекла?).

Дитя душевного кровосмешенья,
Безвольная, как берег меловой,
Она — головоломка и решенье,
Костер, с душой бесплотно-огневой:

Как в космосе, здесь ночь без дней, вернее —
День без ночей, и мир развоплощен
Так сладостно, и стынет перед нею
Ленивый прах людей, сгущенных в сон!..

Мы тоже не вернемся в мир разбитый —
Толпа теней, бесформенный поток,
Расплывчатая взвесь и монолиты,
Неисчислимой вечности итог —

Слепая пыль, которой все простилось!
Но лучше бы — о нашей плоти бог! —
Твой гнев навеки, лишь бы эта милость —
Живая боль среди земных дорог.

Средиземноморье

Там, где на лодке плыли мы тесниной —
Вся ширина в бросок пращи была, —
Был голый берег старины пустынной,
Заждавшейся усталого весла.

Там свет недвижимым был над белокрылым
Снованьем чаек возле темных скал,
Где бриз, чей пыл сравним с любовным пылом,
Как верный раб, скорлупку нашу гнал.

Там водоросли, расступясь, открыли
Шуршащий берег, и среди камней
Мы, втайне наслаждаясь, ели, пили
То, что когда-то ел и пил Эней.

Там берег зеленел в глухом укрытии
Утесов, он манил, и паруса
Хотелось опустить, на берег выйти
Под сладостные эти небеса.

Там бражничали мы, воображая,
Что мы пираты — океанский сброд
У древних скал. Чья ворожба чужая
Свершалась нами среди этих вод?

Там вечность я вкусил. Ее участие
Во всем сквозило. И открылось вдруг:
Мы гневом утоляем жажду власти,
А жажду древних утолял бурдюк.

Лечь там, где дремлют пращуров живые,
Как будто снова в месяц шириной
Пространство, как во времена былые
(Пусть плачет Атлантида под волной!).

Какой предел за голубым раздольем
В столетьях обескровит наш порыв?
Мы шар на полушария расколем,
За Геркулесовы столбы уплыв

На запад, в даль, где варварским рассолом
К маису нас прибьет, к большим бобам
И к нежным лозам, что на склоне голом
Сопрели... Тут-то и родиться нам.

Об авторах

ТЕЙТ, АЛЛЕН (TATE, ALLEN). Поэт, теоретик литературы, вместе с Р. П. Уорреном и Дж. К. Рэнсомом разрабатывал в США доктрины «новой критики». Род. в 1899 г. в округе Кларк, Кентукки. В 1932 г. окончил Университет Вандербилта, один из основателей группы «Беглецы». В 1939—1942 гг. — преподаватель в Принстоне, в 1951—1968 гг. — профессор английской литературы в университете Миннесоты. Член Американской академии и Национального института искусств и литературы. Опубликовано 18 книг стихов, критических работ, художественной прозы. Сборник «Мистер Поп» (*“Mr. Pope”*) вышел в 1928 г., «Три поэмы» (*“Three Poems”*) — в 1930 г., «Средиземноморье» (*“The Mediterranean”*) — в 1936 г., в 1960 г. издан однотомник стихов А. Тейта. В 1956 г. ему была присуждена премия Боллингена.

Содержание

Перевод П. Грушко

Пловцы	162
Осень	165
Последние дни Алисы	166
Средиземноморье	167